

сты, высушивает болота, проводит каналы, возводит города в пустынях, завоевывает страны, но живое и животворящее слово при ней замолкает.

Имеются все основания думать, что России, после крушения коммунизма, предстоит пережить тяжкий период социальных исканий. В эти дни, выплывут, на взбаламученную поверхность народного моря, всевозможные пророки и претенденты на «сводительство».

Мы твердо верим, что Россия пройдет мимо их посулов, которые волшебю превратились бы в новое порабощение нации, в случае успеха одного из таких «гениальных и единственных». Потому что практика диктатур, в какие-бы одежды они нерядились, заключается в разделении народа на два клана: малочисленной и всемогущей «опричины» и всей остальной массы — бесправной «земщины».

Для тех, кто верит в равенство рождений, кто помнит, что под каждой деревенской крышей может таиться Ломоносов, такое разделение начисто неприемлемо.

Но сейчас в России положение изменилось, наученный горьким опытом народ уже невозможно загнать в кабалу одним обманом. Нужна материальная сила, чтобы захватить власть.

Этой злой матерьяльной силе должно противопоставить дух творческой свободы, честное и смелое Слово писателя-гражданина.

Николай Вадвич.

Восстань Пророк!

(К столетию)

Восемнадцатый век блещет и царствует Елизаветы и эпохой Екатерины, Ломоносовым и Державиным, но надо все-же сказать, что Фальконетт, со своим бессмертным творением забежал вперед: Медный Всадник на коне-то уже, конечно, сидел, но взвиться еще только собирался. «Тяжело-звонкое скаканье» раздалось чуть позже, — когда коня взял под уздцы и вывел на просторы Российские тот человек, столетие со дня кончины которого мы сейчас поминаем. Именно с него и через него дело Петра — Российская Империя нашла то, чего ей еще не хватало: Красоту. Это была наибольшая победа. По безбрежным даям «от хладных финских скал до пламенной Колхиды», по седой старине и современности прогулялось пламя Петра и пронизало таинственным светом камни, леса и души. Все окзалось уже навеки сросшимся, неотделимым — Империя пошла в глубину, и с этого времени Медный Всадник не только «Божия гроза», но и «лик его прекрасен». И рядом с Державным Всадником становится курчавый, молодой человек в сюртуке, с книжкой в руке и взором, буравящим какие-то дальние облака, который как никто имеет право на титул «птенца гнезда Петрова» — первейшего из всех первых. Потому что, если за воином и строителем не следует этот

некий молодой человек с записной книжкой в руке и не обращает битвы, дворцы и хижины в Вечность и Красоту, то и воин и строитель не взываются над своими творениями, а скользят быстрыми тенями. Скользнут и уйдут. Тогда на Медный Всадник, а конь бледный.

Россия-Империя рождена Петром, а крещена Пушкиным; первый повел русских к победам, а второй победы привел к нам, вложил в души и в таком качестве Империя несменяема, невытравляема.

Есть что-то в теперешнем разрезе истории поистине сверхпостижимое: дело Петра было объявлено отмершим, ненужным; имя родины заменили какими-то буквами, напоминающими торговую фирму средней руки, а Человека — переходной формой к свинье — homo marxisticus... Поистине сверхмерно и сверхпостижимо это новое рождение Поэта сейчас, там, где все Русское выкорчевывалось с кровавым изуверством. Из недавнего представителя «буржуазно-помещичьего охвостья», Поэт вдруг снова обращается в «гиганта мысли и слова». Совершенно ясно, что тут просветели души не марксистской своры, а народа, правимого ею, и свора подпеваает что-бы оттянуть денек другой живота своего.

Совершенно ясно также, что сейчас в дни памяти Поэта мы увидим бешеную схватку за его наследие и личность. Кремлевские палачи будут как ни в чем не бывало доказывать, что «он — наш, наш предтеча и если-бы был жив, то, конечно, шел бы в ногу с нами». Здесь, в эмиграции, будет проделана решительная диверсия что-бы прилепить ему свое клеймо — «друг декабристов, — значит потенциальный эр-дек!». Масоны поволокут в свою норку несколько крошек, а кое-кто из правых, вероятно, умилится — «был ведь не только поэтом, но и камер-юнкером!» — Это не интересно. Важно то, что Поэта на Родине читают и читают больше всех, а читать его это значит вне своей воли стать на путь Красоты и духовного возрождения. Птенец гнезда Петрова снова весь в действии, снова «жжет сердца людей» и снова берет под уздцы коня Державного Всадника, лик которого был эти годы печален и сумрачен, но сейчас оживает. Сейчас Всадник слышит знакомую поступь, бросает орлиные взоры и готовится снова вздыбить коня.

Такова апологетика. Но нельзя здесь поставить точку. Одна апологетика была-бы почти пошлостью. Символ Всадника-Поэта не только в свершении, но и в движении, в даях, а для того что-бы их увидеть надо прежде всего знать, чего в этом символе все время недоставало. Коротко: Российской Империи всегда недоставало Руси. Это не парадокс. Петр отмахнулся от древней Руси, как от надоедливой мухи. Это не умаляет Петра, но и не смягчает факта: вся дальнейшая жизнь Империи составила из двух пластов — России и Руси. Дело тут, конечно, не в «классах», «высших и низших», а в разной пульсации. В ушах России стояли мотивы гражданские и европейские, а Русь не могла согласиться, что все выкованное до Петра и до Никона плохо. Медленно сближались эти пласты, настолько медленно, что между ними успели образоваться силы распада, взорвавшие в конце концов и Россию и Русь.

Такова драма Всадника, такова драма и Поэта.

Пушкин видел, конечно, древнюю Русь, но видел ее только, как

родословную для России, а не саму по себе; Петру все Пимены как-бы вручили свои летописи и поспешили скончаться. Пушкин смотрит из окон Империи, видит Байрона, видит Наполеона, но своего современника, жившего совсем рядом и ростом не ниже его самого, не увидел. И это, действительно, драма, драма для всей страны: Поэт и Преподобный Серафим ни в одной точке не пересеклись и не подо-зрели о существовании друг друга. Россия и Русь не видели друг друга и потому что не видели, между ними скопились атомы распада. Эти атомы распада обернулись и против Руси, выбив из нее ее веру и остановив пульсацию, обернулись и против России, не давая ей времени вновь подойти к вере и создать единую с Русью пульсацию. Силы распада взорвали оба пласта и бросили обломки тем, кто по-бедно захрюкал в Кремле и замахал над ним красной тряпкой.

Когда к Всаднику вместе с Поэтом подойдет и Святой Серафим, тогда развернутся дали, прежде сокрытые и тогда второй раз уже не омрачится чело Державного Воина-Строителя.

Н. Былов.

О социализме

В последнее время все более и более распространяется одно весьма прискорбное явление — употребление терминов не по назначению. В ряд терминов вкладывается совсем им не подходящее содержание. Происходит это и с термином социализм. Одни умышленно, другие по незнанию считают социализм синонимом марксизма, говоря, что все социалисты — марксисты: «кто не считает себя марксистом, тот не социалист». Эта категория людей, поверхностно относящихся к социализму, совершенно игнорирует то, что социализм существовал задолго до Маркса и ту жестокую борьбу и полемику, которые велись с возникновением марксизма, между этой сектой социализма и прочими социалистами.

Есть и другая категория людей, с совсем противоположными взглядами, имеющая тенденцию расширить понятие социализма до бесконечности, называя чуть ли не всякое социальное движение социалистическим и тем совершенно искажающая его суть.

Я надеюсь в будущем разобрать подробно, что такое социализм, выявить его разновидности и выявить какие доктрины по своему духу и системе подлинно социалистические и какие являются под-логом.

Для разбора сущности социализма одной журнальной статьи, конечно, недостаточно, и я ограничусь на этот раз лишь обзором основных идей.

Что такое социализм?

Прежде всего, необходимо сказать, что социализм не доктрина, а движение, заключающее в себе различные доктрины (есть даже